

Ответ А-Синь прозвучал с напускным благочестием, в котором сквозила явная агрессия. Она была совсем не похожа на ту А-Синь, которую Чжэнь Вэньцзюнь видела в Нанья.

Тогда, в Нанья, сердце А-Синь было полно скрытых забот, о которых она не могла рассказать. Внутри она была мягкой, и её чувства наружу проступали с особой нежностью. Но теперь она привела на северный фронт собственное войско. Двигаясь другим путём, она только что пятнадцать дней вела ожесточённые бои с Таньси - одним из четырёх великих варварских племён Ху. Силами в двадцать тысяч воинов она наголову разбила пятидесятитысячную армию Таньси, захватив всё их оружие и провиант.

А-Синь ещё не остыла от пыла битвы, когда услышала, что Мэнлянь пал. Радость победы мгновенно испарилась. Не отдыхая ни минуты, она немедленно повела войска к Мэнляню.

Двадцатитысячной армии было тяжело совершать долгий марш без отдыха, поэтому А-Синь взяла лишь две тысячи всадников и на лёгких конях помчалась вперёд, чтобы разведать обстановку в Мэнляне. Остальное войско она расквартировала в уезде Цзе в ожидании приказов.

Когда они добрались до горы Цаньсаньфэн, что в пятнадцати ли от Мэнляня, уже стемнело. А-Синь планировала под прикрытием ночи подняться на гору и возвести там смотровую вышку. С вершины можно было незаметно наблюдать за происходящим внутри и снаружи Мэнляня. Однако едва они подошли к подножию, как заметили сверху огни. А-Синь приказала всем подниматься на гору с осторожностью.

Она не думала, что люди племени Чунцзинь бросят коней и полезут на гору. Для них в этом не было никакого смысла, к тому же они потеряли бы своё главное преимущество. Окажись они в засаде среди гор, их ждали бы тяжёлые потери.

Вероятнее всего, это были уцелевшие мирные жители, бежавшие из Мэнляня. Но разве беженцы не должны были уйти в уезд Цзе в поисках укрытия? Зачем им понадобилось взбираться на гору Цаньсаньфэн? Из чистого любопытства А-Синь тайно повела людей наверх, где и наткнулась на Чжэнь Вэньцзюнь.

А-Синь не любила Вэй Тинсюй. Она всегда считала, что именно Вэй Тинсюй совратила Ли Яньи, толкнув её на путь измены и мятежа. Если бы не ядовитые речи Вэй Тинсюй, туманившие разум, Ли Яньи не решилась бы на захват власти, и тогда не погибло бы напрасно столько чиновников и министров. То, что армия Чунцзинь сейчас бесчинствует и устраивает резню на землях Великой Юй, принося неисчислимые жертвы, прямой результат этих непрекращающихся междоусобиц. Император и Старшая Принцесса при главном дворе плели интриги, клеветали друг на друга и боролись за власть. Как после этого варварским племенам Ху было не позариться на столь жирный и лакомый кусок, как Центральные равнины? Если бы Вэй Тинсюй не сеяла раздор, Ли Яньи и Ли Цзюй объединили бы свои усилия. Тогда генералы и министры сплотились бы, как монолитная стена, и давно прогнали бы варваров. И земля Великой Юй не была бы сейчас усеяна трупами.

А-Синь всегда считала, что от Вэй Тинсюй веет чем-то зловещим. Она напоминала ей ведьму, владеющую тёмным колдовством из страшных сказок, которые А-Синь слышала в детстве. Её методы были коварными, скрытными и непостижимыми для обычного человека. Но больше всего А-Синь пугало то, что она совершенно не понимала, о чём Вэй Тинсюй думает. В те годы, когда сама А-Синь была неразлучна с Ли Яньи, Вэй Тинсюй постоянно крутилась возле принцессы. Эта девчонка была калекой с парализованными ногами и передвигалась в кресле, но по ней никогда нельзя было понять, что она чувствует, чему радуется, о чём грустит и какие

корыстные планы вынашивает. Ли Яньи же, вопреки всему, очень ценила Вэй Тинсюй и по любому вопросу спрашивала её мнения. А-Синь несколько раз прямо заявляла, что этого человека нельзя подпускать к делам.

- Она ядовитая змея, - говорила А-Синь. - Пока ты держишь её при себе и натравливаешь на других, тебе кажется, что это удобное оружие. Но когда она развернёт голову и укусит тебя саму, только тогда ты поймёшь, как это больно.

Ли Яньи никогда не отвечала прямо на эти сомнения. Она лишь мягко успокаивала А-Синь, словно та была маленьким ребёнком.

Время шло, противоречия между Ли Яньи и Ли Цзюем становились всё более острыми и явными, и в конце концов произошло то, чего А-Синь боялась больше всего. Ли Яньи из благоразумной и начитанной Старшей Принцессы превратилась в деспотичную, жаждущую абсолютной власти знатную барышню. И заслуга Вэй Тинсюй в этом была огромна. А-Синь не раз думала о том, чтобы убить Вэй Тинсюй или вытащить на свет всё, что та тайно замышляла за кулисами, раскрыть её истинное лицо и позволить политическим врагам уничтожить её. Но в итоге она так и не пошла на это.

Она знала подлинную сущность Вэй Тинсюй лишь потому, что Ли Яньи доверяла ей и ничего от неё не скрывала. Если бы А-Синь воспользовалась этим преимуществом, чтобы снести Вэй Тинсюй голову, она поступила бы слишком подло, предав чувства Ли Яньи.

И пусть в конечном счёте из-за несовместимости позиций их семей они почти перестали общаться, и сама А-Синь считала, что все узы между ними разорваны полностью, Ли Яньи думала иначе.

Возможно, это действительно была злая судьба. За эти годы они с Ли Яньи не раз сходились снова из-за разного рода запутанных дел. Даже когда А-Синь отчаянно пыталась стать для неё чужой, Ли Яньи раз за разом притягивала её обратно к себе. Для Ли Яньи их чувства, вероятно, никогда не угасали.

Не так давно история с «Порошком Фужун» доставила ей немало мучений. К счастью, она обратилась к своему наставнику. Тот приготовил для неё несколько лечебных отваров и провёл терапию с помощью духовных практик контроля разума, что в итоге принесло первые плоды. Сейчас ей всё ещё время от времени становилось плохо, внутренние демоны никуда не исчезли, но теперь она могла с ними справляться. После прибытия на северную границу ей приходилось каждый день сохранять предельную бдительность, так что у А-Синь попросту не оставалось времени думать о «Порошке Фужун».

Но встреча с Чжэнь Вэньцзюнь напомнила ей о Вэй Тинсюй, а это неизбежно всколыхнуло воспоминания о том, каков на вкус этот порошок. Сердце А-Синь дрогнуло, и она тут же до крови прикусила изнутри щёку, чтобы резкая боль отвлекла её внимание.

Когда А-Синь заявила, что собирается отбить Мэнлянь, если бы Чжэнь Вэньцзюнь услышала такое от кого-то другого, то ни за что бы не поверила. Но она лично видела, какой сокрушительной силой обладает А-Синь. Эта женщина была поистине уникальным воином, так что, возможно, ей это действительно по плечу.

А-Синь была дочерью Се Фучэня, а именно Се Фучэнь являлся главным виновником гибели матери Чжэнь Вэньцзюнь. А-Синь недолюбливала её, и сама она тоже не испытывала к А-Синь никаких тёплых чувств. Однако сейчас, перед лицом грозного врага, А-Синь нужно было узнать от Чжэнь Вэньцзюнь обстановку в Мэнляне, а Чжэнь Вэньцзюнь нуждалась в помощи А-Синь.

Две умные женщины проявили молчаливое единодушие и временно отложили былые обиды в сторону. А-Синь спросила, как они здесь оказались, и Чжэнь Вэньцзюнь во всех подробностях пересказала ей, как был захвачен Мэнлянь, сколько солдат погибло, сколько бежало, в каком направлении двинулись преследователи и куда запропастился Ли Цзюй.

Выслушав её, А-Синь с некоторым удивлением посмотрела на Чжэнь Вэньцзюнь:

- А ты сообразительная. Знаешь, на что обращать внимание.

- А вы зачем поднялись на гору? - спросила Чжэнь Вэньцзюнь.

- Варвары привыкли скакать по бескрайним степям, кони заменяют им собственные ноги, поэтому они не любят лазить по горам, - ответила А-Синь. - Я собираюсь построить на вершине Цаньсаньфэн смотровую вышку, чтобы следить за каждым шагом этих дикарей. А затем составлю план, как отбить земли назад. Мэнлянь ни в коем случае нельзя отдавать врагу, иначе это место превратится в неприступную крепость для вождя Хуэрцзи. Отсюда он сможет и наступать, и держать глухую оборону.

- Верно, - согласилась Чжэнь Вэньцзюнь, её мысли полностью совпадали с расчётами А-Синь. - К тому же действовать нужно как можно быстрее. Линия фронта у разбойников-ху слишком растянулась. Они ворвались с севера на одном дыхании и, штурмуя Мэнлянь, уже выложились на полную. Сейчас им жизненно необходим отдых, чтобы перевести дух и накормить коней. Как только они восстановят силы, наши шансы на победу уменьшатся ещё на одну долю.

А-Синь не ожидала, что у помощницы этой «ведьмы» окажутся столь здравые мысли:

- Так значит, ты не отступила в уезд Цзе только потому, что замышляла нанести ответный удар?

- Ну уж нет... - отозвалась Чжэнь Вэньцзюнь. - Нас тут всего несколько сотен человек, я не настолько не знаю меры своим силам. Я лишь хотела, чтобы все, кто со мной, смогли выжить. Я и понятия не имела, что остальные отступили в уезд Цзе.

А-Синь опустила взгляд. Прямо перед её лодыжкой, на расстоянии меньше двух пальцев, виднелась тонкая ветка колючего кустарника. Подобный терновник рос в горах Мэнляня повсюду. Зимой он промерзал насквозь и становился твёрдым как камень. При ходьбе на него редко обращали внимание, хотя им легко можно было пораниться. Войны привыкли жить на волосок от смерти, и для них собственная жизнь была высшей ценностью, так кто станет смотреть под ноги из-за каких-то колючек, способных лишь слегка оцарапать кожу?

Но сейчас всё было иначе. А-Синь заметила, что эта ветка лежала как-то странно. Спрятанная под мёрзлой землёй, она тянулась длинной непрерывной линией, и через каждые две ладони из почвы намеренно выставлялись наружу острые шипы. Всё выглядело так, словно ловушку пытались тщательно замаскировать. Любой другой прошёл бы мимо, но А-Синь истоптала немало таких диких троп. Стоило атмосфере вокруг стать хоть немного подозрительной, как её чутье мгновенно улавливало неладное.

Она выхватила из-за спины меч, поддела остриём колючую ветку и спросила Чжэнь Вэньцзюнь:

- Это твоя ловушка? Сверху размазан яд?

На колючках действительно был яд.

Чуть раньше, когда они только поднялись на гору, один из солдат заметил гроздь спелых красных ягод. Он протянул руку, сорвал их и уже потащил было в рот, как А-Си громко закричала:

- Не ешь! Они ядовитые!

Солдат уже засунул ягоды в рот, но, услышав крик А-Си, тут же выплюнул их обратно.

- Тебе не кажется странным, что в глухих горах, посреди трескучего мороза, вдруг появляются такие красивые ягоды? Если бы они были съедобными, их давно сожрало бы лесное зверье, до тебя бы ничего не осталось! Это змеиные ягоды, их сок смертельно ядовит, - объяснила А-Си. - К счастью, ты не успел их раскусить, иначе уже лежал бы трупом.

Чжэнь Вэньцзюнь тогда обернулась и лично убедилась, что это действительно змеиные ягоды. Хотя А-Си в обычные дни казалась глуповатой и простодушной, в критический момент от неё был огромный толк.

Чжэнь Вэньцзюнь без церемоний сняла шлем с ближайшего солдата, велела обобрать все змеиные ягоды, какие удастся найти, и свалить их туда. Раздав их камнем в кашу, она смазала этим соком шипы терновника. Гора Цаньсаньфэн была не такой уж большой. Она планировала нанести ядовитый сок на колючки, чередуя его с усыпляющим средством "Сай Мафэй", а затем связать ветки между собой и опоясать гору сплошным кольцом первичной обороны. Если варвары действительно решат подняться сюда, то какой-нибудь из ядов обязательно заставит их пожалеть об этом.

Чжэнь Вэньцзюнь искренне считала, что устроила засаду идеально скрытно. К тому же, встретив только что своих соплеменников, она немного разволновалась и едва не забыла предупредить А-Синь.

Однако А-Синь не нуждалась в подсказках и сама мгновенно обнаружила опасность.

- Кхм. Да, - честно призналась Чжэнь Вэньцзюнь.

- В следующий раз присыпь сверху сухой травой, тогда заметить будет ещё труднее, - бросила А-Синь, перешагнула через колючки и направилась к вершине горы.

Чжэнь Вэньцзюнь не стала спорить. Она добросовестно закончила обустройство ловушек, обошла их кругом с досмотром, подумала и сама нарвала травы, чтобы замаскировать ветки. Она провозилась до самой полуночи и, лишь когда промёрзла так, что больше невозможно было терпеть, вернулась на вершину горы.

На вершине царилась кромешная тьма. А-Синь запретила разводить костры для обогрева. Они воткнули в землю всего один факел ради скудного освещения, иначе вождь Хуэрцзи обнаружил бы их следы ещё до того, как смотровая вышка вообще была бы построена.

Чжэнь Вэньцзюнь изначально собиралась на поле боя, поэтому на ней были надеты боевые доспехи. Теперь же, когда они бежали, вся её сменная одежда осталась в городе Мэнлян. Металлические пластины доспехов промёрзли насквозь и обжигали холодом. К ним даже страшно было прикоснуться пальцами: казалось, тронешь и сдерёшь кожу. А-Синь была кругом права насчёт маскировки, но оставаться в такую стужу в горах без костра было невыносимо.

Не выдержав, Чжэнь Вэньцзюнь стянула ледяной доспех и принялась растирать тело руками, чтобы хоть как-то согреться.

- Настолько холодно? - А-Синь окинула её взглядом. Не только у Чжэнь Вэньцзюнь, но и у остальных нескольких сотен уцелевших солдат губы посинели от стужи. Их колотил непрекращающийся озноб.

А-Синь сняла свой тяжёлый меховой плащ и швырнула его Чжэнь Вэньцзюнь.

Та удивлённо уставилась на неё, не ожидая столь благородного поступка.

- Холодно же, подойди ближе к огню, погрейся, - А-Синь осталась в одной коричневой стёганой куртке. Она сидела на жёстком камне прямо у факела. Отсветы пламени падали на её лицо, которое казалось ещё более суровым, чем лютая зима вокруг. Она совершенно не выглядела человеком, способным на такое душевное тепло.

Может, это какой-то заговор? - инстинктивно насторожилась Чжэнь Вэньцзюнь и не спешила надевать плащ. Как-никак, А-Синь была дочерью Се Фучэня.

- Не пойми неправильно, я глубоко презираю Вэй Тинсюй, а потому не люблю и тебя, - заявила А-Синь, заметив её колебания. - Но сейчас Мэнлянь висит на волоске, и мне дорог каждый человек. Будет жаль, если ты глупо замёрзнешь здесь насмерть. Ты должна выжить и вместе со мной вернуть Мэнлянь.

С этими словами стоявшие за её спиной воины один за другим принялись снимать свои стёганые куртки и отдавать их изнурённым остаткам разбитой армии, чтобы те согрелись. Поначалу уцелевшие солдаты смущались и не решались принять одежду, но А-Синь отрезала:

- Наденьте. Вы, новобранцы, слабы телом, вам это нужно. Берегите свои жизни, ведь возвращение Мэнляня будет жестокой битвой.

Чжэнь Вэньцзюнь заметила, что А-Синь обладает непререкаемым авторитетом. Будучи женщиной, она умудрялась заставлять эти две тысячи верных спутников беспрекословно подчиняться каждому её слову. Даже измученные остатки разбитого гарнизона после её короткой речи тут же надели тёплые вещи.

Неудивительно, что Ли Яньи так любила её и повсюду превозносила как редкий военный талант. Она действительно была выдающимся человеком.

Утолив голод скудной едой, которую откопала А-Си, утомлённая Чжэнь Вэньцзюнь быстро уснула.

На следующее утро Чжэнь Вэньцзюнь, проспавшую всю ночь, свернувшуюся калачиком у ствола дерева, разбудил стук топоров. Открыв глаза, она с изумлением увидела, что простоя смотровая вышка уже обрела первые очертания. Плотники успели вывести пять пролётов ступеней.

А-Синь лично поднялась на вышку, чтобы проверить её на прочность. Она с силой притопнула ногой несколько раз. Убедившись, что конструкция даже не дрогнула, она подняла большой палец вверх, показывая тем, кто внизу, что всё в порядке, и спустилась.

Хлопья снега падали на её чёрные волосы. Было бы преувеличением сказать, что ей не холодно. Кончик её носа и пальцы рук покраснелись от мороза, однако она совершенно не обращала на это внимания, создавая у окружающих иллюзию, будто здесь вовсе и не царит леденящая стужа.

- Проснулась? - А-Синь бросила ей очищенный от коры корень дерева. - Довольно сладкий, сойдёт за завтрак. Ешь быстрее. Как закончишь, обсудим план ответного удара по Мэнляну.

Видя такую решительность и прямоту, Чжэнь Вэньцзюнь тут же принялась грызть корень. В нём действительно было немного сока, и он казался сладковатым, но разжевать его стоило больших усилий для зубов. Чжэнь Вэньцзюнь потребовалось немало времени, чтобы как следует измельчить и проглотить его.

- Выкладывай всё, какие у тебя есть соображения и планы, - А-Синь продолжила срезать кинжалом кору со следующего корня, а очистив, протянула его стоявшему рядом солдату.

Чжэнь Вэньцзюнь сказала:

- С древних времён самыми частыми и практичными методами штурма городов были атака водой, подкопы и атака огнём. Я предлагаю использовать воду.

- О? Почему?

- Люди Чунцзиня - это кочевой народ, выросший в седле. Они всю жизнь провели в степях, а значит, наверняка плохо ладят с водой и, скорее всего, даже не умеют плавать. Всего в десяти ли от Мэнляна протекает северный отрезок реки Чаншуй, как раз у заставы Цзесянь. Нам нужно лишь тайно прокопать подземные каналы и в подходящий момент прорвать дамбу, чтобы пустить воду. Тогда конница Чунцзиня будет мгновенно разгромлена.

А-Синь ничуть не удивилась. Напротив, её лицо приняло озабоченное выражение:

- Я тоже думала об этом методе. Но сказать легко, а сделать трудно. Ты умеешь изготавливать шуйпин¹?

- Шуй... пин? - Чжэнь Вэньцзюнь действительно впервые слышала это слово.

- Чтобы идти в атаку водой, сначала нужно установить шуйпин. Если у нас не будет этого прибора для замера высоты рельефа, вода не просто не затопит город, она может разлиться вокруг стен, образовав глубокие рвы, что лишь усложнит нам штурм.

- О, вот оно как, - Чжэнь Вэньцзюнь поняла, что А-Синь действительно обладает огромным опытом и предусмотрела то, о чём сама она даже не задумалась.

¹Шуйпин / Водяной уровень (水平) - древнекитайский геодезический и инженерный прибор для определения горизонтальности линий и измерения разности высот (аналог современного строительного уровня). Обычно представлял собой деревянное корытце или жёлоб, наполненный водой, по поверхности которой выверяли точность уклона почвы при строительстве каналов, дамб и подкопов.

В глубине души Чжэнь Вэньцзюнь знала одного человека, который наверняка понимал, что такое шуйпин, и уж точно сумел бы его соорудить. Этим человеком был Бу Цзе. «Какая оплошность, что я поддалась минутной слабости и не взяла его с собой», - подумала она. Чжэнь Вэньцзюнь побоялась, что он, будучи хрупким учёным, не способным и цыплёнка зарезать, легко расстанется с жизнью на поле боя, поэтому оставила его позади. А ведь он мог бы стать идеальным военным советником.

Чжэнь Вэньцзюнь искренне и горько пожалела об этом.

Тем временем известие о падении Мэнляна быстро докатилось до столицы Жуниин. Ходили слухи, что в Мэнляне устроили кровавую резню и погибли десятки тысяч человек. Сын Неба временно отступил на запад, к уезду Цзе, намереваясь собрать остатки разбитых сил и вновь пойти на Мэнлян.

Жители Жунина ещё свежо помнили, с каким невероятным размахом и величием Ли Цзюй отправлялся в этот карательный поход. И надо же, едва добравшись до фронта, он сразу потерял Мэнлян! Неужели следующим шагом враг насквозь пробьёт заставу Гуанъян? Думая о жестоких варварах из легенд, подданные Великой Юй погружались в ещё больший ужас и панику. Повстанцы из «Армии Жёлтой Земли» воспользовались этим хаосом, чтобы поднять смуту, всюю подстрекая жителей различных округов и уездов к мятежу.

Бурлящие толпы мятежников «Жёлтой Земли», подобные тучам саранчи, в один миг разрослись до ста двадцати тысяч человек. Пользуясь преимуществом времени, места и поддержкой сочувствующих, они стремительно докатились до стен Жунина. Но в тот самый момент, когда они уже готовы были выбить ворота столицы, словно с неба спустилось чудесное войско. Они наголову разбили этих крестьян и разбойников, вооружённых лишь деревянными дубинами и железными граблями. Высших генералов «Жёлтой Земли» взяли в плен живьём, после чего им отрубили головы и вывесили их на городских стенах.

Предводитель повстанцев Чэнь Чжу был в полном недоумении: разве вся армия Великой Юй не ушла воевать против Чунцзиня? Откуда взялось столько людей? Там было никак не меньше ста тысяч воинов.

Эти сто тысяч человек были тем самым тайным войском, которое Се Фучэнь когда-то тренировал в Мэнляне и которое Ли Яньи позже силой заставила явить миру. Под личным командованием Се Фучэня они отбросили бунтовщиков и временно спасли Жуниин.

Пока Се Фучэнь сражался у городских ворот, Ли Яньи, под предлогом «промедления в доставке военных донесений», казнила ещё двоих его учеников и бывших подчинённых, тем самым продолжая планомерно крушить фракцию Ли Цзюя. Се Фучэнь оказался зажат в тиски между внешним и внутренним врагом. Он отчаянно хотел поскорее закончить войну на севере, чтобы Ли Цзюй вернулся в столицу, но при этом не мог отправить эти сто тысяч воинов на передовую.

Се Фучэнь прекрасно понимал нынешнее положение дел. То, что А-Синь отправилась на север, помимо её собственного упрямства, было обусловлено и тайным приказом самого Се Фучэня. Он велел ей скрытно защищать Ли Цзюя, чтобы его не лишили жизни наёмные убийцы, подсланные Ли Яньи. А-Синь, обладавшая статусом командира личной гвардии, могла легко находиться подле Ли Цзюя, к тому же она была его собственной дочерью, высококлассным мастером боевых искусств и блестящим стратегом. Она была лучшей кандидатурой для защиты императора.

Однако Се Фучэня терзали и другие опасения. Если его дочь, воюющая уже много лет, продолжит укреплять своё влияние на передовой и её слава будет расти день ото дня, это, во-первых, даст Ли Яньи ещё больше козырей и аргументов в пользу продвижения женщин на государственные и военные посты. Во-вторых, правители испокон веков были подозрительны. Се Фучэнь своими глазами видел, как в своё время погиб Вэй Цзысю и как покойный император шаг за шагом загнал семью Вэй в нынешнее плачевное положение. Он всем сердцем не хотел, чтобы А-Синь повторила трагическую судьбу Вэй Цзысю.

Именно поэтому Се Фучэнь скорее предпочёл бы держать эти сто тысяч воинов на защите Жунина, никуда их не двигая, чем отдать их в руки собственной дочери А-Синь.

Ситуация внутри страны становилась всё более критической. Какое бы решение он ни принял, оно неизбежно влекло за собой ворох новых проблем. Се Фучэнь как никогда остро ощущал приближение катастрофы.

Хотя толстые городские стены Жунина сдерживали тот хаос и бесчинства, что творились снаружи, тревожные военные сводки с фронта и слухи, заполонившие все улицы и переулки, всё равно держали в смертельном страхе женщин и детей в резиденции Сыту.

Всех, кроме Вэй Тинсюй.

Вэй Тинсюй ушла из дома ещё ранним утром. Она сказала служанке А-Жань, что собирается выбрать несколько горшков с розами «Пайхуай».

Эти розы разрастаются стремительно. Скоро наступит весна, и если выбрать их сейчас, то по возвращении как раз останется время всё обустроить. Стоит погоде немного потеплеть, как розы «Пайхуай» оплетут весь двор. Чжэнь Вэньцзюнь так обрадуется, когда вернётся и увидит эти цветы!

А-Жань твердила, что на улице слишком опасно, что мятежники «Жёлтой Земли» могут хлынуть назад в любой момент, и если начнётся заваруха, то беды не миновать. Вэй Тинсюй было тяжело передвигаться, и поэтому ей лучше вообще не покидать дом.

Однако Вэй Тинсюй упрямо настояла на своём. Она взяла с собой Сяохуа, а Линби оставила дома, чтобы та помогла подготовить и разровнять землю, дабы купленные цветы можно было высадить сразу.

В сопровождении Сяохуа и личных тайных стражей, которые обязаны были неотлучно следовать за ней, Вэй Тинсюй прибыла на цветочный рынок. И чего она никак не ожидала, так это встретить здесь Се Фучэня.

Се Фучэнь стоял у входа в лавку, специализирующуюся на продаже различных вьющихся растений и ароматных трав. Его слуги один за другим перетаскивали горшки с зеленью в повозку.

Их взгляды неожиданно пересеклись. Вэй Тинсюй почтительно поприветствовала его:

- Приветствую вас, сыма Се.

Се Фучэнь в первый миг слегка вздрогнул от неожиданности, но быстро вернул себе самообладание.

Они стояли посреди шумного рынка. Мимо них спешно проходили толпы людей, и мало кто обращал внимание на этих двоих, застывших в странной немой дуэли взглядов.

Сяохуа стояла позади Вэй Тинсюй. Её пальцы мёртвой хваткой вцепились в поручни кресла, на руках до предела напряглись синие вены. Она была готова в любую секунду рвануться вперёд и одним ударом размозжить Се Фучэню голову. Слуги Се Фучэня, почуяв неладное, тоже побросали свою работу. Они окружили их с двух сторон и уставились на пришедших волчьими взглядами, готовые по первому знаку наброситься на Вэй Тинсюй и разорвать её на куски.

- То, что я не убил тебя тогда - моя самая большая ошибка в жизни, о которой я жалею больше всего, - произнёс Се Фучэнь.

Он говорил о сожалении, но держался высокомерно, с надменностью старшего по отношению к младшему:

- Я жалею, что проявил малодушную жалость только потому, что ты была всего лишь ребёнком. Мне следовало скормить тебя собакам. Сделать так, чтобы тебя вместе с Вэй Цзысю изрубили в кровавое месиво. Из-за той секундной оплошности я отпустил тигра обратно в горы. Теперь ты строишь козни против меня и плетёшь интриги против всей Великой Юй.

Се Фучэнь каждым словом намеренно бил по старым ранам, напоминая о временах, когда Вэй Тинсюй держали в заточении. Он прекрасно знал, что это её незаживающая травма и кошмар, от которого ей не избавиться до конца дней. Даже если она порой забывала об этом, посреди какой-нибудь ночи она неизбежно возвращалась в своих снах в ту страшную тюрьму в Жанчуане. И в каких бы благоприятных условиях и счастье она ни находилась наяву, воспоминания мгновенно затапливали её невыносимой болью.

Се Фучэнь был абсолютно уверен, что именно так устроен разум любого нормального человека.

Это был его ответный удар. Он хотел заставить Вэй Тинсюй страдать. Страдать так же невыносимо, как и он сам, когда узнал всю правду.

Вэй Тинсюй безучастно посмотрела на Се Фучэня. Когда она заговорила, её тон был таким, словно она лениво отмахивалась от назойливого, едва знакомого родственника из глухой провинции:

- И то правда. С нашей разлуки в Жанчуане прошло уже без малого десять лет, и вы, сыма Се, изрядно постарели. Всё, что случилось тогда, действительно глубоко врезалось мне в память. Каждый раз, когда я вспоминаю об этом, мне и впрямь трудно отбросить те образы.

Договорив, она повернулась назад и спросила Сяохуа:

- Двести горшков с цветами. Мы всё оформили?

Сяохуа тяжело сглотнула. Сама не зная почему, в эту минуту она чувствовала перед Вэй Тинсюй сильный страх и робость:

- Да, всё оформили.

Вэй Тинсюй продолжила:

- Тогда поехали обратно. Судя по небу, кажется, снова собирается снег. Вы бы тоже возвращались пораньше, сыма Се. Скоро земля покроется льдом, и ехать будет совсем скверно.

Сяохуа покатила кресло вперёд, проезжая прямо мимо Се Фучэня. Сверху на слуг министра давила удушающая, кровожадная аура тайных стражей дома Вэй, но и люди Се Фучэня не уступали им, их охватил яростный боевой пыл.

Однако Се Фучэнь лишь заворожённо смотрел вслед хрупкому силуэту уезжающей Вэй Тинсюй. Некоторые вещи начали доходить до него только сейчас.

Тогда он не предал Вэй Тинсюй лютой смерти - и это обернулось тем, что сегодня эта женщина превратилась в его величайшую угрозу. Более того, она стала угрозой для всей Великой Юй.

Пожалуй, это была самая роковая ошибка в его жизни.

Стоило им покинуть цветочный рынок, как Сяохуа не удержалась от вопроса:

- Госпожа, неужели Линби тоже часть вашего плана?

Вэй Тинсюй не обернулась. Было неясно, куда именно устремлён её взор. Возможно, она просто любовалась снежинками, которые, как она и предсказывала, закружились в воздухе плотной стеной.

- Поначалу я думала, что способна держать под контролем абсолютно всё. Но теперь я осознала, что человеческое сердце - это то, что подчинить себе труднее всего, - Вэй Тинсюй приподняла руку, и хлопья последнего снега десятого года эры Шэньчу опустились на её изящные, тонкие пальцы. - Как в её случае, так и в моём.

Сяохуа спрашивала про Линби, но кто именно был на уме у самой Вэй Тинсюй в тот момент осталось загадкой.

<http://bllate.org/book/17227/1732124>